Резник О.В. УКРАИНА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (на материале литературы русского зарубежья)

Объемное понятие — литература русского зарубежья — начинает приобретать все более отчетливые контуры существеннейшего пласта русской культуры XX века, этапа культурного строительства этого сложного и противоречивого периода мировой истории, исключительно важного феномена русского духовного бытия. Не гипотетичным, а имеющим реальное обоснование представляется сам факт признания литературы русского зарубежья полноправной частью историко-литературной культурной жизни XX века.

Чтобы полнее и ярче представить себе то или иное явление, необходимо выделить в литературной картине определенного исторического момента то общее, что представляет интерес и для сегодняшнего читателя, и то индивидуальное, что позволяет говорить о неповторимости художественного мира писателя. Ведь, по словам А.П.Чехова, «У произведений, которые зовутся бессмертными, общего очень много; если у каждого из них выкинуть это общее, то произведение утеряет свою цену и прелесть. Значит, это общее необходимо и составляет conditio sine quanon non (непременное условие) всякого произведения, претендующего на бессмертие»[1, с. 54].

Особый интерес в настоящий момент вызывает творчество тех художников русского Зарубежья, кто так или иначе связан с Украиной, исследуется их индивидуальный творческий мир, обусловленный конкретной исторической ситуацией – революцией и гражданской войной. В силу национальной специфики украинские страницы резко выделяются на общем фоне. Вполне естественной в контексте утверждения украинской темы в литературе русского зарубежья представляется нам скрупулезная работа над прозаическими текстами писателей, раскрывавших эту тему за рубежом. Нам - современникам ХХ1 века - предстоит исследовать русскую прозу субъективную, во многом пристрастную, но этим и ценную для сегодняшнего читателя. Достаточно вспомнить слова И.Бунина, ставшие крылатыми: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...» Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка» [2, с. 71-72]. Созвучны именно такой постановке вопроса и слова литературоведа А.Афанасьева: «... для нас сейчас из русской зарубежной литературы, ее значительного наследия, более нужна не собственно художественная литература (...), а высочайшая философская проза, обширнейшая мемуарная литература, эссеистика, политическая публицистика, ожесточенно обсуждавшая пути России в XX веке» [3, с. 10] Заметим: «ожесточенно», а не «беспристрастно», потому что именно такая точка зрения позволяет нам не повторить уже указанные раз оши**Яви**ление эмиграции стало, к сожалению, неотъемлемой особенностью XX века. Она, несомненно, существовала и ранее, но именно в этот период возникает понятие «русское зарубежье». Причем современное литературоведение неоднозначно трактует не только сам термин, но и его хронологические рамки.

Так, профессор Агеносов В.В., автор фундаментального труда «Литература русского зарубежья», останавливается на трех волнах «русского исхода». Первая – после революции 1917 г. Вторая – порожденная Второй мировой войной. Это граждане Прибалтийских республик, не желавшие признавать советскую власть; военнопленные; молодые люди, вывезенные с оккупированных фашистами территорий в Германию в качестве дешевой рабочей силы; люди, сознательно вставшие на путь борьбы с советским тоталитаризмом. Третья – 60-70-е гг. XX века, «диссидентская», отличающаяся от двух первых волн тем, что «у них не было религиозного воспитания, они в основном понаслышке знали творения писателей, художников Серебряного века, у них не было ностальгии, они не знали жизни русской диаспоры и по существу продолжали то, чем занимались на родине» [4, с. 476-477]..

Другие же ученые (Самин Д.К.) предлагают следующую периодизацию: первая волна, в основном на североамериканский континент – предреволюционная (до 1905 и до 1917 года...).

С 1917 года пошла вторая волна — «белая», а затем и третья — «перемещенных лиц» самые многоводные. «Четвертая волна — «мягкая эмиграция». За уезжающими за границу теперь не падает железный занавес» [5, 6].

Нет единства и в трактовке понятия «Родины/ эмиграции». Позволим себе сослаться на мнение профессора М.А.Новиковой. Она отмечает, что в авторитетных западных словарях « 1) доминирует «эмиграция», не «Родина»; 2) сама «эмиграция» трактуется насквозь рационалистично, юридично, прагматично: это оставление прежнего места жительства и перемещение на новое» [6, с.97]. В то же время «русские – или шире, славянские, – или, еще шире, традиционалистские источники трактуют эмиграцию принципиально иначе: как вынужденное, но, вместе с тем, лично выбранное (ср. высылка) расставание с Родиной, при малой(вплоть до никакой) вероятности возвращения. Иначе говоря, для Запада эмиграция — вопрос «куда?» и «зачем?» Для «нас»- вопрос «откуда» и «почему?» [6, с.97].

Можно, конечно, отметить, что для автора данной работы ближе оказывается «эклектичная» периодизация, где первая волна – после 1917 г., вторая – 50-60-гг., третья – 60-70-гг, и, наконец, четвертая – «экономическая», «постперестроечная». Думается, что такое разнообразие точек зрения на само явление вызвано глубинной сутью понятия, его разнородным составом (социальным, национальным, общекультурным и т.д.) Поэтому немаловажным аспектом решения вопросов «откуда» и «почему?» является проникновение в психологию «отъезжающего», анализ того сложного, переломного момента, когда у индивида возникает (вначале смутное, а затем осознанное, приобретающее конкретные очертания) желание покинуть Родину по тем или иным причинам. Само время сделало актуальным вопрос «рубежа» – географического и психологического, в первую очередь. Ввиду невозможности точно определить этот «толчок» для

УКРАИНА И ГРАЖЛАНСКАЯ ВОЙНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

каждого оказавшегося на чужбине, интересным и плодотворным можно считать сопоставление нескольких разных точек зрения на одно событие, достаточно часто упоминаемое как «рубежное» в письмах, дневниках, статьях уехавших – революцию 1917 года. «Революция – проявление творческих сил; в оформлениях жизни тем силам нет места, содержание жизни текуче; оно утекло из-под форм, формы ссохлись давно; в них бесформенность бьет из подполья»[7, 350], – писал символист Андрей Белый. Жить «в революции» невозможно, «нет места» в ней для творческой интеллигенции старого порядка, поэтому их повседневная жизнь превращается в водоворот («... содержание жизни текуче...»), в непрерывное движение, которому не видно конца.

Долгие годы было принято изображать революционные события только с позитивной стороны, окутывать ее героико-романтической дымкой и создавать ореол славы вокруг персонажей, преданных делу революции. Некоторые писатели стремились оценить революцию прежде всего как слом эпох, отдавая приоритет общечеловеческим ценностям. Для других же классовые интересы были непререкаемым мерилом значимости всего того, что происходило в жизни, в том числе и в литературе.

Бесспорно, необычайно трудно дать исчерпывающе объективный анализ событий такого масштаба, как революция и гражданская война. Однако сегодня, с «высоты» приобретенного нами исторического опыта, очевидно, что попытки такого анализа будут не бесплодны, если за точку отсчета принять реальные человеческие судьбы, а не верность тем или иным политическим идеалам.

Поэтому сравнению необходимо подвергнуть не мемуары или дневниковые записи, а художественные произведения, т.к. наша задача — объяснить влияние социальных процессов на психологию творчества конкретных авторов, что само по себе представляет несомненный интерес в настоящее время. При всей разности творческих индивидуальностей это писатели одного поколения, создавшие интересующие нас произведения приблизительно в одни и те же годы. Но главное — их объединяло одинаковое отношение к изгнанничеству, столь ярко выраженное Н.А. Бердяевым: «Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции () Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом» [6, 187]

Возникает вопрос: свободным от чего? Что было в революции, в послереволюционные дни такого, что заставило глубоко национальных авторов ужаснуться и покинуть Родину, говорить «не о приятии Октября, а о приятии судьбы, о чувстве сострадания и искупления, которые зародились в душе художника в тяжелую годину» [4,162]

Сразу следует оговориться: и революцию, и эмиграцию указанные писатели видят различно. И такое несходство, очевидно, имеет более глубокие корни, чем просто «индивидуальность авторского стиля». Чтобы глубже понять различия в психологии творчества, необходимо, на наш взгляд, обратиться к гендерному анализу, сочетающему в себе наблюдения над психикой и словом.

В статье «Гендерный аспект анализа художественных текстов» Е.В.Лисюченко подчеркнул, что такой подход позволяет «более глубоко интерпретировать характер личности (действующего персонажа произведения, автора текста) со всеми его сложными психологическими механизмами» [8,25] Следует оговориться: предметом исследования может служить только лирический герой произведения (несмотря на авторское «я» или откровенно мемуарный характер повествования). Причем в данном контексте уместнее говорить не о биологическом половом диморфизме, а о зависимости «половой дифференциации» произведений от множества исторических и социальных факторов. Такое сравнение творчества авторов, изображающих один и тот же историко-культурный фон, позволяет увидеть в художественно преломленных воспоминаниях их выгодное отличие от большинства подобных произведений XX века. Речь идет о психологическом противостоянии цельной личности и сложного времени - философии жизни личности и философии истории, которые приходят в соприкосновение – и в противостояние. Писатель часто сочетает на одних и тех же страницах высокие религиозно-этические ценности и проявления человеческой слабости. Психологический труд О.Тимченко, В.Шапар «Сотвори себе кумира»[9] подчеркивает, что мужчины, действительно, возводят те или иные события в ранг общечеловеческих ценностей, знаний, понятий. Женщины, напротив, легче переносят катастрофы вселенского масштаба, но тяжело воспринимают перемены в мелочах.

Такой специфический подход к анализу произведений, как гендерный, соответственно расширяет рамки исследования. Поэтому следует сразу оговориться, какие авторы, какие жанры наиболее удовлетворяют требованиям объективности, всесторонности и научности. Ведь понятно, что исследовать творчество всех эмигрантских писателей и поэтов, чье творчество так или иначе связано с Украиной, а затем сравнить их — задача непосильная и в целом малорезультативная. Наша задача — проследить на конкретных примерах особенности мировоззрения, выделить ту грань, тот мотив, которые делают личность «эмигрантом». В то же время необходимо учитывать и максимальный географический охват юга России в воспоминаниях, новизну и актуальность авторской оценки происходящего в 1918-1920 гг.

Если подходить к вопросу с точки зрения социокультурных типов, то наиболее перспективным представляется изучение украинских реалий на материале биографической (автобиографической прозы). Правомерность такого отбора оправдывается и актуальностью смены взгляда на биографику и биографистику как на явления маргинальные в литературном процессе. По замечанию Мороз Л.В.[10], жанр художественной биографии объективно неотделим от стержневых компонентов художественной жизни нашей интеллектуализированной современности. Биография с наративом от первого лица является необходимым свидетельством эпохи, живым и заинтересованным.

Избрать гендерный подход к теме гражданской войны на Украине побуждает сама история. Взять, к

примеру, такой исторический факт, нашедший отражение и в художественной литературе (И. Сельвинский, Э.Багрицкий и др.): Маруся Никифорова возглавляла отряды анархистов до появления Н.Махно. В.Антонов-Овсиенко в своих воспоминаниях о гражданской войне подчеркивал, что «во время весеннего наступления немцев (1918 г.) он (Махно) еще слабо проявил себя в боевом отношении, заслоненный энергичной и бестолковой водительницей «анархических» отрядов Марусей Никифоровой» [11, 96] Именно жестокость, «лють», несвойственную женской природе вообще, а украинской женщине — тихой, мечтательной и спокойной(М.Костомаров) [11] — в частности, отмечают указанные нами художники. Если в «Улялаевщине» И.Сельвинского, посвященной этому же историческому периоду, появляется персонаж с говорящей фамилией «Зверж», то Тэффи, Шмелев и другие упоминают о женщине-«звере», правда, в «красном» лагере. Разрушался уклад жизни, смещались веками складывавшиеся нравственные ориентиры (чего стоит, например, процесс феминизации кобзарства в 20-30-е годы XX века, направленный на дискредитацию этого наиболее яркого символа украинской земли(Долгов М.О.), что не могло не отразиться на психологическом состоянии всех, кто стал жертвами — активными или пассивными — нового режима.

Еще один пример: И.С.Шмелев в своих показаниях лозаннскому суду по делу убийц В.Воровского(1923 г.) утверждал, что в Крыму было уничтожено более 120 тысяч человек, в том числе и штатских. Специальная комиссия ВЦИКа расследовала «крымскую резню 1920-1921 годов» [12, 84]. Все «особо отличившиеся» коменданты представили в свое оправдание телеграммы Белы Куна - и его помощницы Розалии Землячки-Самойловой.

Поэтому женщина выступает на страницах воспоминаний о гражданской войне и как палач, получивший долгожданную возможность для реализации своих честолюбивых замыслов(Коллонтай, Землячка, «зверъ»), и как молчаливая и терпеливая спутница мужчины во всех его бедах, и как способная только на проклятия «нелюдям» гордая труженица, и как пытающаяся при любых обстоятельствах оставаться привлекательной слабая игрушка в руках судьбы. В.И.Лабунский, один из последних остававшихся в живых эмигрантов «первой волны», размышлял о странности человеческой памяти в России: «Чтит декабристок, пошедших вслед за мужьями в Сибирь, а вот о наших женах, принявших куда больше муки, говорить не желает» [12, 85]

В то же время различие во взгляде – мужской или женский – позволяет создать наиболее исчерпывающую картину. Мужской взгляд, отмечающий возвышенное и глобальное, склонный к типизации и обобщению, логично дополнить женским, выхватывающим многозначительные, столь о многом говорящие современному читателю мелочи.

Следует оговориться, что отобранные из необыкновенного множества судеб имена должны носить знаковый, т.е. предельно значимый характер. Действительно, этот критерий достаточно субъективен, но такие критерии, как национальность или образовательный уровень, в данном случае несколько второстепенны, т.к. значительную часть эмиграции первой волны составляли люди высокообразованные. Все это позволяет выбрать главным критерием исследования мировоззренческий как наиболее весомый. Обращение к наследию Бунина, Шмелева, Тэффи и других - это возможность соотнести современность с предыдущими эпохами, провести аналогии, или, напротив, определить отличие эпох, предпринять попытку самоопределения.

Рассматривая эволюцию украинской темы в русской литературе первой волны эмиграции, мы пытались выделить то общее в текстах различных авторов, что можно обозначить как «изображение страны в эпоху исторического перелома». В то же время акцентируется внимание на перекличках текстов, на общих мотивах, реминисценциях. Причем раскрытие темы оказалось невозможным без обнаружения биографических параллелей, глубокого литературоведческого проникновения в психологию героев, изучения исторического и субъективного фактора. В работе используется интертекстуальный подход к анализу текста как один из возможных путей освещения украинского материала в творчестве русских писателей-эмигрантов.

Особый интерес данная работа представляет в том плане, что, с одной стороны, представленные в работе произведения носят автобиографический характер, с другой – претендуют на полемическое и разноплановое освещение темы «Революция 1917 года на юге Украины». В то же время вопрос о своеобразии русской литературы первой волны эмиграции в связи с общими закономерностями развития литературы XX века остается практически неизученным. Данные произведения мы смело можем воспринимать как «документ эпохи», т.к. исследователями(В.Агеносовым, Н.Яблоновской, Э.Нитрауэр и др.) неоднократно отмечалось, что одна из главных тенденций в литературе эмиграции – возрождение классических традиций русского реализма. Свидетельством тому служат многочисленные дневники, письма, автобиографические произведения в русской литературе XX века.

Такой подход к материалу позволяет проследить, как на смену романтической мифологизации (Мацапура В.И.)Украины и Крыма в литературе X1X века приходит «жестокий реализм» века двадцатого, особенно обнажившийся в изгнании.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что:

- 1) Украинская тема в русской литературе Первой волны эмиграции рассматривается в широком историко-литературном контексте;
- 2) Данная тема исследуется на обширном литературном материале, с учетом творчества как известных широкому кругу читателей, так и недостаточно изученных писателей;
- 3) Впервые украинская тема в русской литературе зарубежья изучается в аспекте гендерного подхода;

УКРАИНА И ГРАЖЛАНСКАЯ ВОЙНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

4) В работе определяется роль авторской индивидуальности в воссоздании обобщенного образа Украины эпохи гражданской смуты, событий украинской истории и образов исторических лиц.

Новизна состоит также в новых подходах к интерпретации художественных текстов, т.к. данная работа находится как бы на стыке истории, психологии и литературоведения. Это позволяет выходить на понятия «типичности» и «объективности» при анализе указанных произведений.

Практическое значение работы заключается в обосновании гендерного подхода при изучении литературы реализма, в частности – литературы русского зарубежья XX века. Результаты исследования показывают, что такой подход к анализу художественных текстов не только возможен, но и исторически детерменирован, т.к. связан не только с заданиями идейно-тематического, жанрового, стилистического анализа, но и широким спектром культурологических и философских проблем.

Актуальность данной работы обусловлена той политической и экономической ситуацией, которая сложилась в XX веке и привела к очередному всплеску эмиграции в 90-е – 2000-е годы. В настоящее время необходимо по-новому посмотреть на особенности художественного воплощения явления эмиграции, не последнюю роль в котором отводится Украине.

В то же время нельзя не учитывать то обстоятельство, что на формирование мировоззрения во многом влияет такой социокультурный фактор, как среда обитания – место проживания или пребывание в данный исторический момент. Поэтому нам представляется наиболее интересным именно этот аспект – показать, как в восприятии писателей первой волны русской эмиграции революция 1917 года и исход из страны воспринимались не как национальная, а мировая проблема. В. Ходасевич утверждал, что и в эмиграции можно сохранить дух нации, ее культуру, а главное – свободу мысли и слова, во многом утраченную на родине. Изучая работы эмигрантов, так или иначе связанных с Украиной, нам удается проследить в их творчестве те духовные (и не только) процессы, которые в силу ряда причин не могли быть отображены на родине. Как утверждает В. Агеносов, для советской литературы были полностью закрыты такие аспекты национального характера, как созерцательность, размышления о жизни и смерти, о Боге.

При этом такой взгляд может быть глубже и истинней, чем изнутри, т.к., по утверждению Г.Плеснера, человеку для персонального быта необходимо отстранение, точка опоры, лежащая вне его реального мира, с которой он только и получает возможность взглянуть на мир и на самого себя «со стороны». А что может быть «отстраненнее» географически, чем эмиграция? Именно оттуда человек способен оценить действительный мир и заметить самого себя.

Как отметил в своей статье «Метафизика присутствия и небытия» профессор А.Д. Шоркин, «Становление личностного бытия - всегда ризоматическая задача топологии и топонимики, определения и угадывания своего места в головоломном «ребусе» мира». [13, 10]

В то же время нельзя не учитывать то обстоятельство, что на формирование мировоззрения во многом влияет такой социокультурный фактор, как место рождения, принадлежность к культуре или истории определенной страны. Неоспоримым является тот факт, что такие родственные государства, как Украина и Россия, взаимообогащались, а интеллигенция русская была зачастую украинского происхождения.

Творческие индивидуальности различны, но можно выделить и кое-что общее. И.С.Шмелев в эпопее «Солнце мертвых» (Крым), Тэффи в «Воспоминаниях» (практически вся степная Украина, Николаев, Одесса), И.А.Бунин в «Окаянных днях»(Одесса), Г.Газаднов в «Вечере у Клэр»(юг Украины и Крым), В.Корсак «У белых»(Киев) и другие – все они пишут автобиографическом ключе, все стремятся создать свою философию истории. В общих чертах их позицию можно обозначить следующим образом: изображение народного бунта на просторах Украины у писателей двойственное.

- с одной стороны, они видят картины народных бесчинств, жестокость матросов и красноармейцев, с другой - отмечают ненависть местного населения к «коммуне», нежелание крестьян кормить большевиков, стихийные восстания народа против навязанной «новой власти»,
- они испытывают отвращение ко всему происходящему, физическую брезгливость, эстетическое отталкивание: новая власть сделала грязными и заплеванными чистые приморские города(Одесса и т.д.), вокзалы и станции;
- отличительной чертой нового времени становится хамство, пустое кровопролитие, постоянная перестрелка днем и ночью. На улицы страшно выходить, стены завешаны ужасающими плакатами, предметы обихода и еда дорожают с каждым днем.
- Исторический момент актуализирует необычную особенность человеческой психики: желание обмануть, выдумать слух пострашнее, самому в священном ужасе внимать самой очевидной лжи. Профессор Венского университета и автор книги «Ложь соль жизни» Петер Стиггниц утверждает, что это своего рода защитная реакция, к которой прибегает человек в стрессовой ситуации;
- Грязь в человеческих отношениях, пыль и сор становятся рефреном изображения революционной Украины;
- Все происходящее на Украине практически каждый воспринимает как нечто чужеродное, навязанное, ненастоящее(откуда и сравнение происходящего с балаганом, представлением);
- Ощущение зыбкости своего существования передано авторами воспоминаний в символах, связанных с понятиями «смерти», «страха», «сумасшествия», они пытаются разобраться в природе животного ужаса перед новой властью.

- Каждый из указанных авторов делит Россию на «тех» и «наших». «Наши» интеллигентнее, всего боятся и верят в избавление от бунта извне. «Те» - это обобщенные образы уничтожающей культуру новой власти, «босяки с винтовкой на веревке через плечо»;
- Много внимания уделяют рассказчики бытовым мелочам, неурядицам. Но в этих условиях в душах скитальцев растет тяга к Богу, к светлому и праздничному.
- Писатели все время проецируют происходящее с ними на прошлое, сверяют свое мировосприятие «тогда и сейчас», подчеркивают общенациональную (а иногда и общечеловеческую) значимость происходящего на Украине в 1918-1919 гг.:
- Мотив дороги, бездомности, трансформируется у писателей-эмигрантов в мотив незащищенности, неуверенности и нестабильности. В дом могут врываться по три раза в день «комиссары», «озверевшие рожи». Поэтому читателя не покидает ощущение хрупкости человеческой жизни, тщетности всех усилий. всеобще суеты и беспорядка:
- Мысль психологов о том, что мужское сознание склонно воспринимать все окружающее прежде всего в бытийном, а не в бытовом ключе, возможно, применима и к творчеству женщин-эмигрантов, которые фиксируют каждую мелочь, которая подтверждает главную мысль каждой книги: грядет царство Хама.
- Именно поэтому женщины-жертвы в произведениях так же несчастны, так же отчаянно страдают, как мужчины. Иногда они оказываются сильнее, но эту силу им придает материнство. В то же время Бунин показывает на примере Коллонтай, как «ангелоподобные» женщины под влиянием стихии революции становятся ее активными и самыми жестокими участницами; есть примеры женщин-палачей и у Шмелева, и у Тэффи, и у Корсака;
- Каждый рассказчик воспринимает свою жизнь и происходящее вокруг как наказание за грехи интеллигенции, самонадеянно взявшейся за «переделку сознания» народа.

Отмечая бедственное положение народа Украины, стихийные всплески национального самосознания, недовольства новой властью, указанные писатели не видят в ней страну, способную остановить братоубийственную стихию. Разрушительное начало в сочетании с бессмысленным кровопролитием – вот что типизируется художниками, вот что угадывается в реалиях гражданской войны.

Источники и литература

- Чехов А.П. Пол.Собр.соч. и писем. В 30-т. Письма. М., Наука, 1976. Т. 4.
- Бунин И.А. Окаянные дни. М., Советский писатель, 1990. 416 с.
- Литература русского зарубежья. Антология. Том 1, Книга 1. М., : Книга, 1990. 430 с.
- Агеносов В.В. Литература русского зарубежья(1918-1996). М.: Терра. Спорт, 1998. 543 с.
- Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. М.: Вече, 2000. 480 с.
- Новикова М.А. Родина души: Владимир Набоков и Митрополит Антоний Сурожский//Крымский Набоковский научный сборник. Выпуск 1-2.- Симферополь, «Крымский Архив», 2001. – С. 96-101. Белый А. На рубеже двух столетий. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Лисюченко Е.В. Гендерный аспект анализа художественных текстов//Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. – № 3. – С. 25-27.
- Сотвори себе кумира: Писхология семьи/Авторы-составители О.В.Тимченко, В.Б.Шапар. Харьков, Прапор, 1997. – 604 с.
- 10. Мороз Л.В.Объктивное и субъективное в жанре литературной биографии//Автореф. дис...канд.филол. наук. – Киев, 2000.
- 11. Сахновская Л.Н. Павла, Раиса и Кобзарь новые образы в либретто оперы «Дума про Опанаса» Э.Г.Багрицкого//Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім.. Г.С.Сковороди. – Выпуск 2(29). – Харьков, 2001. – С.182-193.
- 12. К.Привалов «Шли дроздовцы твердым шагом...»/Юность. 1990. № 10. С. 82-85.
- 13. Шоркин А.Д. Метафизика присутствия и небытия//Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарный и медицинский аспекты. Межвузовский научный сборник/ Ред.О.К.Кузнецова. -Симферополь, «Крымский архив», 2003. - С. 10-17.

Хлыбова Н.А.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА: ДЖ. Х. МИЛЛЕР В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ КРИТИКИ

Современное американское литературоведение представляет собой чрезвычайно сложный научный комплекс, включающий в себя множество критических школ и направлений. На данном этапе представляется важно выявление того положительного, что могло бы быть использовано в украинском литературоведении. Литературно-критическое наследие одного из самых влиятельных американских литературоведов Дж. Х. Миллера достаточно многогранно. Он представляет в США сразу две новейшие исследовательские методологии - так называемую "критику сознания", именуемую еще "феноменологической" критикой, и деконструктивизм. Новизна полученных результатов связана с тем фактом, что, несмотря на то, что в американском литературоведении имя Дж. Х. Миллера стоит рядом с именами таких выдающихся литературоведов, как Н. Фрай, П. де Ман, Г. Блум, М. Кригер и др., в украинской науке оно практически даже не упоминалось. Даже в книге профессора А. С. Козлова, одного из ведущих украинских специалистов в области американского литературоведения, "Литературоведение Англии и США XX века", где Йельской школе американского деконструктивизма уделено достаточно много внимания (анализируются работы П.